

DOI: 10.22455/2500-4247-2016-1-3-4-10-28

УДК 1(091) + 82.0

ББК 87.3(2)6 + 83

ТЕМА КАРНАВАЛА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ М. М. БАХТИНА

© 2016 г. С. В. Сандлер

Беер-Шева, Израиль

Дата поступления статьи: 18 сентября 2016 г.

Статья основана на докладе, прочитанном на конференции по случаю 50-летия выхода в свет книги М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», и к 120-летию со дня рождения М. М. Бахтина в Институте мировой литературы (ИМЛИ РАН), 17 ноября 2015 г.

Аннотация: Место книги о Рабле, и вообще карнавальной темы, в философии М. М. Бахтина — одна из постоянных проблем бахтинистики. Действительно, как совмещаются такие темы, как толпа на карнавальной площади, размытые контуры индивидуального тела в гротескном образе, идея родового тела, с персонализмом Бахтина, с его подчеркиванием неслиянности я и другого? Но сам Бахтин не считал эти идеи несовместимыми. Мы находим их не только порознь, на страницах трудов разных периодов его творчества, но и вместе, например, во второй редакции книги Бахтина о Достоевском. Статья содержит попытку восстановить философский контекст, в котором возникает карнавальная тема у Бахтина, и поставить карнавал на свое место в истории развития бахтинской эстетики словесного творчества. Реконструируется процесс развития эстетики и теории романа М. М. Бахтина от образа человека, видимого сугубо с позиции другого, в незаконченном трактате «Автор и герой в эстетической деятельности» к карнавальному образу, где доминирует точка зрения *я-для-себя*. В центре этого процесса стоит проблема создания образа свободного и творящего человека в мировой литературе. Сравнивая эстетические позиции и оценки М. М. Бахтина в работах разных лет, мы находим в них иногда резкие повороты и изменения. Но, несмотря на эти повороты и изменения в бахтинской эстетике, можно все же говорить о развитии единой базисной общефилософской концепции у М. М. Бахтина, от самых ранних до самых поздних его трудов.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, карнавал, персонализм, теория романа, эстетика .

Информация об авторе: Сергей Владимирович Сандлер — PhD по философии, ул. Давид Нив, д. 21, кв. 19, Беер-Шева, Израиль. E-mail: sergeiys@gmail.com

THE PLACE OF CARNIVAL IN THE CONTEXT OF MIKHAIL BAKHTIN'S PHILOSOPHY

Sergeiy Sandler

Independent scholar, Beer Sheva, Israel

Received: September 18, 2016

Acknowledgements: This paper is based on a lecture delivered at a panel discussion at the Institute of World Literature (IWL RAS), Moscow, on November 17, 2015, commemorating the 50th anniversary of the publication of Mikhail Bakhtin's book on Rabelais, and the 120th birthday of its author.

Abstract: The role that Mikhail Bakhtin's book on Rabelais, and the carnival theme more generally, plays in Bakhtin's philosophy is a perennial concern in Bakhtin studies. Indeed, how would one reconcile such ideas as the carnival crowd, the unclear boundaries of the human body in grotesque imagery, or the notion of a collective ancestral body, with Bakhtin's personalism, his emphasis on the impossibility of merging self and other into one? However, Bakhtin himself did not see these notions as incompatible. We find them not only separately, in works from different periods, but also adjacently, for example in the 2nd edition of his book on Dostoevsky. In this paper, I attempt to reconstruct the philosophical context, in which carnival appears in Bakhtin's work and to place carnival within the development of Bakhtin's aesthetics. I follow the process in which Bakhtin's aesthetics and theory of the novel developed from an early focus on the human image examined from another's point of view, to the carnivalesque image, dominated by the perspective of the I-for-myself. At the heart of this process stands Bakhtin's study of how the image of a free and creative individual has been forged in world literature. When we compare the aesthetic views and evaluations espoused by Bakhtin in different periods, we sometimes find sharp reversals in his position. Nevertheless, these reversals are part of a continuous process of development in what can rightly be seen as essentially the same philosophical conception that informs Bakhtin's work in all periods.

Keywords: Mikhail Bakhtin, Carnival, personalism, theory of the novel, aesthetics.

Information about the author: Sergeiy Sandler, PhD in Philosophy, an independent scholar. David Niv 21/19, Beer Sheva 8425625, Israel. E-mail: sergeiys@gmail.com

Книга о Рабле, и вообще карнавальная тема, часто воспринимается как почти чужеродный элемент в философии М. М. Бахтина¹. Дей-

¹ Тезис о чужеродности карнавальная темы выдвигается разными авторами и с разными целями — то как одно из свидетельств общей неоднородности бахтинской философии, то в контексте моральной критики идеалов, выступающих на первый план

ствительно, как можно совместить, в рамках одной и той же теории, толпу на карнавальной площади, размытые контуры индивидуального тела в гротескном образе, идею родового тела, с персонализмом Бахтина, с его подчеркиванием несовместимости *я* и *другого*? Правда, похоже, что сам Бахтин тут противоречия не замечал. Карнавальная тема спокойно соседствует с принципиальным персонализмом в его рабочих записях разных лет². Более того, в книге «Проблемы поэтики Достоевского», являющейся, пожалуй, самым ярким выражением бахтинского персонализма, добавленная ко второму изданию четвертая глава [2, т. 6, с. 115–202] ставит именно карнавал в центр линии исторического развития романа, ведущего к созданию полифонического романа Достоевского³.

В этой статье я попытаюсь поставить книгу о Рабле и тему карнавала в их философский контекст у Бахтина. Для восстановления этого контекста понадобится реконструкция основных стадий развития бахтинской философии (что, конечно, дело рискованное; у нас нет полного изложения Бахтинской философии, а есть фрагменты, где немало противоречивых моментов, и в разных интерпретациях эти моменты могут укладываться по-разному). Продукт этой реконструкции — история развития *единой* философской концепции, где есть эволюция, но нет революций. В этом процессе развития Бахтин многое пересматривал и переосмыслял, как мы увидим в дальнейшем, иногда были и довольно резкие повороты, но некоторое ядро его философии сохранялось.

Первая философия М. М. Бахтина

Исходный пункт для изучения философии М. М. Бахтина — два ранних неоконченных и не полностью сохранившихся труда, посмер-

в описаниях карнавальной толпы, то просто как часть попытки реконструировать процесс развития бахтинской мысли. См., например: [5; 8; 11].

² Обе темы часто встречаются на страницах рабочих записей 1940-х гг., хотя упоминание падает то на одну, то на другую. См., например, «К философским основам гуманитарных наук» [2, т. 5, с. 7–10] (обе темы), «Риторика, в меру своей лживости...» [2, т. 5, с. 63–70]; «Человек у зеркала» [2, т. 5, с. 71], «К вопросам самосознания и самооценки» [2, т. 5, с. 72–79] (преобладают персоналистические мотивы, но не отсутствуют и карнавальные), «Дополнения и изменения к “Рабле”» [2, т. 5, с. 80–129] (преобладает карнавальная тема, но выступают и персоналистические мотивы). В более поздних рабочих записях («Рабочие записи 60-х — начала 70-х годов» [2, т. 6, с. 371–439]), преобладает персонализм, но, снова, не отсутствует и карнавал. Наконец, обе темы сплетаются на последних страницах «Ответа на вопрос редакции “Нового мира”» [2, т. 5, с. 453–457].

³ Черновым планом к этой главе послужили заметки «Мениппова сатира и ее значение в истории романа» [2, т. 4 (1), с. 733–749], первоначально написанные в контексте переработки книги о Рабле [2, т. 4 (1), с. 838]. См. об этом: [2, т. 4 (1), с. 838, 890–893].

тно опубликованных под названиями «<К философии поступка>» (далее — *ФП*) [2, т. 1, с. 7–68] и «<Автор и герой в эстетической деятельности>» (далее — *АГ*) [2, т. 1, с. 69–263]. Причем первенство надо отдать *ФП*, где Бахтин излагает то, что он сам называет своей «первой философией» [2, т. 1, с. 12, 22, 26, 28–29, 31]. *АГ* посвящен эстетике, которая, как мы увидим, будет в дальнейшем пересмотрена, куда позиции, изложенные в *ФП*, в основном принадлежат к стабильному ядру бахтинской философии.

В чем же суть первой философии М. М. Бахтина? Используя более позднюю терминологию, философию Бахтина можно назвать *экзистенциальной*. Исходным пунктом для него является тот факт, что мир, который предстает перед человеческим сознанием (мир от первого лица, мир *для меня*, в котором *я* живу и поступаю), несводим к объективному описанию мира в абстрактных научно-теоретических категориях⁴.

Этот принцип можно проиллюстрировать с помощью бахтинского анализа стихотворения «Для берегов отчизны дальней...» («Разлука») А. С. Пушкина [2, т. 1, с. 60–66, 71–85], или, точнее, первых двух его строк: «Для берегов отчизны дальней / Ты покидала край чужой», которые Бахтин сравнивает с более ранним вариантом: «Для берегов чужбины дальней / Ты покидала край родной». Несколько упрощая постановку вопроса у самого Бахтина, зададим вопрос: в чем разница между двумя вариантами текста? Ведь говоря *объективно*, оба варианта описывают одно и то же — предстоящее путешествие героини из пункта А в пункт В; если прочесть стихотворение грубо-биографически (как было принято в свое время), то речь идет о поездке Амалии Ризнич (итальянки, возлюбленной Пушкина) из Одессы в Италию, в мае 1824 г. [2, т. 1, с. 456 (прим. 55)]. Варианты отличаются друг от друга не той или иной деталью описываемого происшествия, а *субъективной* точкой зрения, с которой происшествие описывается и оценивается. Италия — чужбина Пушкину, но отчизна для Ризнич.

Говоря объективно, научно, путешествие Ризнич можно свести к линии на карте или к траектории определенного предмета в пространстве-времени. Траектория эта видна нам извне, или, точнее, вообще дана помимо какой бы то ни было точки зрения. А вот сама Ризнич переживала это путешествие не по карте, а со своей единственной точки зрения, и было оно для нее не только плаваньем из Одессы в Италию, а возвращением на родину, после разлуки с возлюбленным. Таково это путешествие как *поступок* Ризнич. Иначе переживал пу-

⁴ То же соображение лежит в основе философии С. Киркегора (см. в особенности: [3]). С трудами Киркегора М. М. Бахтин был знаком с юности [1, с. 41–43]. О связи философии Киркегора с базисной философской мотивацией М. М. Бахтина см.: [9; 10]. Шире о Бахтине и Киркегоре см., например: [6; 7].

тешество Пушкин (как лирический герой стихотворения). Для него это — отъезд возлюбленной на чужбину.

Итак, «объективное» путешествие — одно, а вот поступков — как минимум два⁵. Философская традиция, еще со времен досократиков, ориентирована на сведение множества к единству. Вопреки этой традиции, Бахтин отдает первенство множеству поступков — множеству миров, предстающих перед разными людьми с *единственной* реальной для каждого из них точки зрения — над *единым* объективным научным описанием⁶: «Единственное исторически действительное бытие больше и тяжелее единого бытия теоретической науки» [2, т. 1, с. 12].

Поступок, «событие бытия», мир *для меня*, измеряется в человеческих (субъективных) координатах, таких как «отчизна» и «чужбина» (но и проще: «здесь», «там», «слева», «справа», «завтра», «вчера», «туда», «обратно» — всюду предполагается чей-то кругозор, чье-то место в пространстве и времени как точка отсчета). Мир поступка конкретен и сплошь оценен, «интонирован». Географическую карту, на которой можно обозначить маршрут корабля, плывущего в Италию, создали реальные люди — картографы — путем абстракции из своего реального опыта и сведений об опыте других людей. Таким образом, из мира поступка есть доступ к объективному миру научных знаний. А вот в обратную сторону хода нет: если предположить, что объективный мир, познаваемый наукой, только и есть действительность в полном смысле слова, то мир моего поступка становится необъяснимой загадкой. Любая точка на карте может потенциально стать точкой, с которой кто-то воспринимает мир, но из существования этого потенциала, реализация его никак не следует. Даже самая детальная и точная информация о том, как подобный мне человек, в подобных моих обстоятельствах, воспримет, оценит, переживет и поступит, не может стать на место настоящих моих восприятий, оценок, переживаний и поступков.

Но ударение на феноменологию поступка и субъективного восприятия — лишь одна сторона дела. В философии М. М. Бахтина *я-для-себя* не стоит особняком, мир-от-первого-лица не самодостаточен. Недостает в нем меня самого.

У истоков философии Нового времени стоит конституция субъекта через интроспекцию, самосозерцание, у Р. Декарта⁷. Бахтин же

⁵ Переживание, пока оно действительно кем-то переживается, вполне может считаться поступком.

⁶ Притом Бахтин не релятивист, и саму объективность объективного описания он не оспаривает.

⁷ Упомянутый выше термин «первая философия» явно намекает на спор с «Размышлениями о первой философии» Декарта. Другое, косвенное, свидетельство о критике картезианства как важном моменте ранней бахтинской философии мы находим

отрицает саму возможность прямой интроспекции. Я не вижу самого себя так, как я вижу других людей. Даже смотря на отражение моего лица в зеркале, я не в состоянии воспринять целостный образ себя самого; мое самоощущение изнутри не совпадает с внешним выражением моего лица в зеркале, на которое я смотрю как бы глазами другого. Мой целостный образ, и поэтому — я сам как полноценный субъект, мне дан только через посредство *другого*⁸.

Отсюда вытекает бахтинская ранняя эстетика *внезаходимости* и *завершения*: внезаходимость позволяет автору «собрать *всего* героя, который изнутри себя самого рассеян и разбросан» и «восполнить *до целого* теми моментами, которые ему самому в нем самом недоступны: как-то полнотой внешнего образа, наружностью, фоном за его спиной, его отношением к событию смерти и абсолютного будущего и пр.» [2, т. 1, с. 96]⁹. Таким образом автор дарует герою (а также бог человеку, другой мне) его самого.

Образ свободного человека

В дальнейшем М. М. Бахтин во многом пересматривает свою эстетику. Процесс этого пересмотра — одна из главных движущих сил в развитии философской позиции, и в особенности теории романа, Бахтина. В этом процессе сохраняется определенное философское ядро, но есть и повороты, начиная с переоценки творчества Ф. М. Достоевского.

Первые страницы книги «Проблемы творчества Достоевского» (далее — *ПТД*) посвящены полемическому утверждению того, что Достоевский «*один* автор-художник», а не «*несколько* авторов-мыслителей» — его героев [2, т. 2, с. 11, 7–14 и далее]. Слово «художник» здесь не случайно. Полифонический роман Достоевского, по Бахтину, именно и есть достижение художественное, создание нового типа построения *образа* героя. Но ведь критика здесь частично направлена в адрес его собственной оценки творчества Достоевского в *АГ*, где Достоевский, подобно романтикам, представлен как пример *неудавшегося* завершения героя. Неудача завершения означает отсутствие эстетической *формы*. Именно *художником* Достоевский в *АГ* не является [2, т. 1, с. 99–101, 212].

в краткой заметке Л. В. Пумпянского, реагирующей на доклад М. М. Бахтина в Невельском кружке в 1919 г., где в том числе обсуждалось раннее бахтинское понятие нравственной реальности: «...нравственная реальность есть, потому что в противном случае... Декарт...» (цит. по: [4, с. 227]).

⁸ Самое обширное обсуждение этих тем мы находим в *АГ*, но см. также: ФП [2, т. 1, с. 66–68], а позже, см., например: [2, т. 5, с. 71, т. 6, с. 397, 457].

⁹ Заметим, между делом, что ранняя эстетика Бахтина во многом ориентирована на эстетику прекрасного у И. Канта, с ее позицией незаинтересованного созерцания по отношению к эстетическому объекту (ср. *АГ*: [2, т. 1, с. 100]).

При этом содержание анализа героев Достоевского во многом остается без изменений в обоих трудах¹⁰. Так, у героев этого типа «задний план, мир за спиною героя не разработан и не видится отчетливо автором и созерцателем, а дан предположительно, неуверенно изнутри самого героя, так, как нам самим дан задний план нашей жизни» [2, т. 1, с. 100]. Диалоги таких героев «начинают вырождаться в заинтересованные диспуты, где ценностный центр лежит в обсуждаемых проблемах» [2, т. 1, с. 100]. Еще одно описание неудавшегося завершения героя автором вообще звучит как цитата из книги о Достоевском:

«Такой герой не завершим, он внутренне перерастает каждое тотальное определение, как не адекватное ему; он переживает завершенную целостность, как ограничение и противопоставляет ей какую-то внутреннюю тайну, не могущую быть выраженной: “Вы думаете, что я весь здесь”, как бы говорит этот герой, “что вы видите мое целое? Самое главное во мне вы не можете ни видеть, ни слышать, ни знать”. Такой герой бесконечен для автора, т. е. все снова и снова возрождается, требуя все новых и новых завершающих форм, которые он сам же и разрушает своим самосознанием. Таков герой романтизма: романтик боится выдать себя своим героем и оставляет в нем какую-то внутреннюю лазейку, через которую он мог бы ускользнуть и подняться над своею завершенностью» [2, т. 1, с. 101]¹¹.

За этими характеристиками стоит один и тот же принцип оформления образа героя: точка зрения от первого лица, с позиции *я-для-себя*. Меняется же оценка творчества Достоевского, причем за этой переменной стоит пересмотр Бахтинской эстетики. В АГ от автора требуется оформление героя извне, и преобладание форм видения от первого лица свидетельствует о неудавшейся попытке автора стать в позицию внаходимости по отношению к герою. Начиная с ПТД, наоборот, отказ Достоевского от завершения героя извне (заочно), и центральная роль самосознания героя в оформлении его образа, признается великим художественным достижением. Причем такое оформление образа уже отнюдь не противоречит внаходимости автора герою. Достоевский — художник, и сознания его героев не совпадают с сознанием автора:

¹⁰ Точнее, герои Достоевского в ПТД сочетают в себе элементы описания двух типов неудавшегося завершения героя автором в АГ. К одному типу («герой завладевает автором») относятся герои Достоевского, а ко второму (автор завладевает автобиографическим героем) — герои романтиков. В обоих случаях точка зрения автора совпадает с точкой зрения героя, правда по разным причинам [2, т. 1, с. 99–101, 212].

¹¹ Ср., например, анализ «Человека из подполья» в ПТД, особенно [2, т. 2, с. 129–130].

«Слово героя, поэтому, вовсе не исчерпывается здесь <у Достоевского> обычными характеристическими и сюжетно-прагматическими функциями, но и не служит выражением собственной идеологической позиции автора (как у Байрона, например). Сознание героя дано как другое, чужое сознание, но в то же время оно не опредмечивается, не закрывается, не становится простым объектом авторского сознания» [2, т. 2, с. 12].

Итак, *диалог как художественная форма*, именно и есть то новое, что мы находим в ПТД. В АГ герой — объект авторского созерцания и оформления. Эстетический образ пассивен и предопределен [2, т. 1, с. 124, 191, 237]. В диалоге же герои уже не пассивны, обретают свой *голос, отвечают* друг другу. В формах диалога становится возможным создать образ *свободного и творящего* человека, отразить заданность, а не только данность. Именно такой образ «человека в человеке» М. М. Бахтин признает теперь (словами самого Достоевского) *реализмом* в высшем смысле [2, т. 2, с. 77].

Образ свободного человека — центральная тема в дальнейшем развитии теории романа М. М. Бахтина, вплоть до, и включая, его книгу о Рабле. В трудах 1930-х и начала 1940-х гг. Бахтин часто намечает образ «деятеля», «инициативного героя», творца, человека в изменяемом им мире, в качестве вершины исторического развития романного жанра и одной из своих главных тем¹². В книге о Рабле к этому контексту относятся темы творческой свободы смеха, творческой силы человеческого тела и связи карнавала с историческими сменами и переменами. Но это — лишь отдельные (и несколько опосредованные) выражения темы образа свободного человека, в контексте которой вырастает весь замысел книги.

Как уже сказано выше, образ свободного человека дан в формах видения от первого лица, а не в пластических формах видения извне. М. М. Бахтин подчеркивает эти формы, обсуждая историю европейского романа вообще, и в частности творчество Достоевского, Гёте и Рабле.

Целостный образ меня самого мне недоступен. Следовательно, образ героя, данного с точки зрения *я-для-себя* — образ незавершенный и незавершимый. Таковы, как мы уже видели, герои Достоевского по Бахтину. В материалах к книге о романе воспитания, тот же образ интересует Бахтина у Гёте: «Образ человека в творчестве Гёте <...> Создание типа открытого, незавершенного героя» [2, т. 3, с. 206]. Такому незавершенному герою соответствует и незавершенный мир,

¹² См., например, «К “Роману воспитания”» [2, т. 3, с. 226, 261–264, 278, 325, 332], «К вопросам теории романа» [2, т. 3, с. 571, 578, 586], «Роман, как литературный жанр» [2, т. 3, с. 640].

который он свободен изменить [2, т. 3, с. 215]. В более поздних трудах появляется тема *современности* как времени незавершенного становления мира и человека (например, [2, т. 3, с. 592]), Наконец, в книге о Рабле Бахтин постоянно подчеркивает незавершенность и незавершенность карнавального образа — особенно тела и мира (например, [2, т. 4 (1), с. 31–33, 252, 453, 660, 675]).

Когда в книге о Рабле М. М. Бахтин оспаривает эстетический канон Нового времени, он оспаривает завершающее описание человека извне. Этому эстетическому канону характерно: «Совершенно готовое, завершенное, строго отграниченное, замкнутое, показанное извне, несмешанное и выразительное тело» [2, т. 4 (1), с. 317]. Не случайно, что почти каждый элемент в этом списке мы находим раньше, в *АГ*, но со знаком плюс: именно так, как мы уже видели, должен был изображаться герой, завершенный автором. Гротеск, который Бахтин противопоставляет этому эстетическому канону, имеет признаки именно образа, данного в формах видения от первого лица: гротескное тело показано во взаимодействии с миром и с другими телами, где всегда дано и ощущение изнутри, но где нет четкого контура целого тела. Это — тело, конкретно оценивающее и постоянно изменяющее свой мир, тело свободного человека.

В этом же контексте интересна и переоценка ругательств Бахтиным. В *АГ* ругательство — злоупотребление позицией венаходимости, «Своеобразное извращение формы самоотчета-исповеди <...> в своих глубочайших — и, следовательно, худших — проявлениях», «использование своего привилегированного места вне другого для прямо противоположных должному целей» [2, т. 1, с. 212–213]. В книге о Рабле ударение переходит на амбивалентную *тональность* ругательств, или, в терминологии ранней бахтинской философии, на их эмоционально-волевой тон, проявление моей оценки, окрашивающей мир моего поступка. И тут подразумевается точка зрения от первого лица.

Время и пространство

Правда, в *ПТД* вести речь об *образе* свободного человека еще не вполне корректно. «Герой Достоевского не образ, а полновесное слово, чистый голос» [2, т. 2, с. 50]. В краткой главе *ПТД* об авантюрном сюжете М. М. Бахтин пишет, что «все герои Достоевского сходятся вне времени и пространства» [2, т. 2, с. 76]. Как известно, эту самую главу Бахтин в дальнейшем заменит во второй редакции книги обстоятельной главой о карнавале и мениппее, где диалог свободных голосов уже получает вполне конкретное пространственно-временное наполнение. Именно подготовка *временных и пространственных*

форм, в которых станет возможным образ свободного человека, становится в центр внимания Бахтина начиная с середины 1930-х гг.

Одно из главных понятий в работах М. М. Бахтина этого периода — понятие хронотопа. На языке ранней бахтинской философии хронотоп — это траектория движения героя по *сплошь-оцененным и интонированным* пространству и времени, где происходят *события* встречи сознаний героев. В хронотопе мы находим время и пространство, данные в формах видения от первого лица. В ранней бахтинской эстетике от автора требуется преодолеть хронотопичность его образов. И в ПТД вопрос о хронотопе у Достоевского еще не ставится; возвращаясь позже к теме авантюрного сюжета, Бахтин пишет, что «именно хронотопа здесь нет» [2, т. 3, с. 220]. А вот в середине 1930-х гг. хронотоп становится в центр внимания. Причем интересен и набор тем, которые Бахтин рассматривает под этим углом. Впервые термин «хронотоп» появляется в контексте работы над (несохранившейся) книгой о романе воспитания, где первым делом обсуждается образ развивающегося человека в изменяемом им мире, то есть один из вариантов образа свободного человека — идеал, к которому приблизился Гёте [2, т. 3, с. 218–325]. Несколько позже (и в том же массиве рабочих записей) Бахтин обращает внимание на хронотопы автобиографических форм [2, т. 3, с. 385–399]. Наконец, именно в записях о хронотопе мы находим первое обширное обсуждение романа Рабле у Бахтина [2, т. 3, с. 418–472].

Несколько слов об автобиографическом «звене»: Автобиографические литературные формы интересуют М. М. Бахтина во всех периодах его творчества (так же, как и близко-примыкающая тема зеркального отражения). Но если в АГ перед автором автобиографии стоит задача найти точку опоры вне себя для создания образа автобиографического героя, то в 1930-е гг., наоборот, описание своей жизни с внешней точки зрения становится лишь начальным пунктом исторического процесса создания автобиографического образа героя — творца и деятеля¹³. Античные автобиографии показывают человека сплошь внешнего, публичного, и дают образ героя в восхваляющих тонах (основываясь на хвалебных литературных формах). Сама собой напрашивается аналогия с одержимостью другим у человека, смотрящего на свое зеркальное отражение [2, т. 1, с. 113, т. 5, с. 71]. Точка зрения другого на автобиографического героя дана здесь с самого начала, но не потому, что Бахтин признает ранее отрицаемую им возможность прямого самосозерцания, а потому, что формы *самовыражения*, так же получены мною от других, как и формы самосозерцания. Но в простом восхвалении самого себя, точка зрения

¹³ Причем интересно, что М. М. Бахтин рассматривает хронотоп биографии и автобиографии совместно, см.: [2, т. 3, с. 387].

другого узурпируется. Тут — фальшь, ложь и подцензурный официоз [2, т. 1, с. 113, т. 5, с. 71, 88]. Дальнейшее развитие автобиографического хронотопа подразумевает созревание внутреннего мира героя, образа становящегося героя и героя-творца. Другими словами, формы видения с точки зрения *я-для-себя* входят в фонд литературных форм создания образа человека, как и форм самовыражения и самоописания.

Мы подходим непосредственно к появлению карнавальной темы в трудах М. М. Бахтина, впервые, по-видимому, в наброске «Идея карнавала», частично опубликованном в составе комментариев И. Л. Поповой к Собранию сочинений М. М. Бахтина [2, т. 4 (2), с. 611–615]¹⁴. С «открытием» карнавала связана и переоценка роли смеха в романе Рабле: одно из постоянных полемических замечаний в книге о Рабле относится к неправильности понимания гротеска и смеха у Рабле как сугубо отрицательной сатиры (см., например, [2, т. 4 (1), с. 40 и далее]. Но ведь именно положительный смысл раблезианского смеха ранее отрицал и сам Бахтин [2, т. 3, с. 52, 198]. Причем переоценка происходит очень быстро. Так, в материалах к книге о романе воспитания мы находим реплику о том, что энциклопедичность у Рабле несла «отвлеченно-книжный характер, за ней не было модели мирового целого» [2, т. 3, с. 314]. В том же тексте, через какие-то двадцать страниц, роман Рабле уже осмысливается более или менее так, как он будет понят в написанной о нем позже книге [2, т. 3, с. 331–333].

Идея карнавала — открытие конца 1930-х гг., но тот философский вопрос, на который эта идея отвечает (да во многом и общий контур ответа на этот вопрос), был уже намечен. М. М. Бахтин искал пространственно-временные формы для создания образа свободного человека, формы, в которых этот образ вырабатывался в истории литературы. Решение, которое Бахтин нашел, можно сформулировать так: *образ свободного человека совпадает с образом всего мира, данного в конкретных формах видения с точки зрения я-для-себя; образ поступающего человека есть образ мира, конституированного его поступком*. Именно такой образ мира Бахтин находит в романе Рабле, и именно такой образ формируется в карнавальной стихии.

В карнавальном образе тела М. М. Бахтин подчеркивает:

«Отсутствие момента художественного пластического созерцания и з в н е <...>, но <тело описано> исключительно в процессе борьбы со смертью: в рождении, в смерти (расчлняемое тело), в совокупле-

¹⁴ Причем набросок этот — часть бахтинского конспекта описания римского карнавала у Гёте, скорее всего прочитанного во время работы над книгой о романе воспитания.

нии, в еде, в гимнастике, в болезни; это — драма тела, как такового» [2, т. 4 (1), с. 647].

Но «тело, как таковое» не есть абстрактное понятие тела. М. М. Бахтин настаивает на том, что карнавальное тело не дано извне, в формах видения *другого-для-меня* (и заметим снова контраст с ранней эстетикой в *АГ*). А вот характерные черты ощущения тела изнутри, с точки зрения *я-для-себя*, намечаются четко. Карнаваль-ный образ тела — образ тела *действующего* и *ощущающего*, которым *я* воздействую на мир, и через которое мир воздействует на *меня* и дан *мне*. Такой образ тела как бы распространяется на весь мир, включает мир в себя. Происходит «отелеснение мира», в котором все измеряется «человеческими телесными масштабами» [2, т. 3, с. 428]. Бахтин многократно подчеркивает представление о теле как о микрокосме и единую *топографию* тела и мира (низ тела — земля, преисподняя; верх тела — рай, небеса) в романе Рабле и, шире, в карнаваль-ной образности [2, т. 4 (1), с. 27, т. 4 (2), с. 31]. Весь мир входит в индивидуальную «зону контакта». Происходит «расширение кругозора» [2, т. 4 (1), с. 646]¹⁵.

Космичность и топографичность карнавального образа важна М. М. Бахтину не только с эстетической точки зрения (как элемент оформления образа свободного человека), а и по гносеологическим соображениям. Вспомним, что в *ФП* Бахтин отдает первенство конкретно переживаемому миру моего поступка над миром абстрактных (ничьих) объективных данных. Такую позицию можно обвинить в узости и ограниченности. Есть ли здесь место для бесконечных просторов вселенной, для времени до моего рождения и после моей смерти, для ценностей вне сферы моей непосредственной заинтересованности?

Космичный и топографичный мир карнавальных образов частично отвечает на это возражение. В этих образах весь мир дан моему сознанию, причем без посредства абстрактных понятий и категорий теоретических наук. М. М. Бахтин продолжает свой спор с Декартом:

«Расширение кругозора (пространственного порядка), но нет типизующих генерализаций. Нет зияний между единичным и общим. Отвлеченно-математические, иррациональные и мнимые величины отсутствуют. Резкие отличия от картезианского и ньютоновского мира. Общее (типическое, функциональное, математически закономерное) еще не стало играть своей ведущей роли в картине мира. Движение шло не от единично-частного к общему и типическому, а от единично-индивидуального к космическому (тоже индивидуально-

¹⁵ Заметим: расширение именно кругозора, а не окружения или среды.

му), от маленького к большому и величайшему. Отсюда — значение перечислений и номинаций (там, где теперь обобщающее выражение, у Рабле перечисление всех возможных вещей и действий); коллектив, где каждый может быть назван по имени» [2, т. 4 (1), с. 646]¹⁶.

Еще подчеркнем ценностный аспект карнавальной топографии, например, наглядное и осязаемое присутствие рая и ада в образах Шекспира: «Образ у Шекспира всегда чувствует под собою ад, а над собою — небо (т. е. действительную топографию сцены)» [2, т. 4 (1), с. 692]. И, конечно, образ, данный с точки зрения *я-для-себя* несет в себе эмоционально-волевые тона. Бахтин, как мы уже заметили, подчеркивает роль хвалы и брани, и их амбивалентного соединения, в карнавальном образе. У Рабле нет нейтральных эпитетов [2, т. 4 (1), с. 439, т. 4(2), с. 450].

Итак, карнавальный образ есть образ поступка, данного изнутри, а потому и образ поступающего человека. Именно поэтому карнавал и оказывается в центре исследования генеалогии романа Достоевского в более поздних трудах М. М. Бахтина¹⁷.

Заключение: философские инварианты

До сих пор, мы следили за развитием эстетики М. М. Бахтина и изменениями в его понимании и оценке литературных образов. Но ведь, как уже было отмечено, речь здесь идет о развитии *единой* философской позиции. Подводя итоги, обратим внимание на стабильное ядро бахтинской философии.

Первым делом, мы имеем право говорить о развитии в философии М. М. Бахтина, а не о переходе от одной философской позиции к совсем другой, потому, что все изменения в бахтинской эстетике следуют принципам его же «первой философии», сформулированной преимущественно в *ФП*.

Первая философия Бахтина признает первенство поступка — моей целенаправленной деятельности в мире, каким он предстает передо мной, сплошь пронизанным моими оценками — над объективным миром, продуктом безличных обобщений и абстракций. Поступок *реален* и *действителен*. Как мы могли убедиться, М. М. Бахтин продолжает противопоставлять карнавальный образ, в котором сохраняются все главные характеристики феноменологии поступка, абстрактно-теоретической картине мира Декарта и Ньютона¹⁸.

¹⁶ См. также: [2, т. 4 (1), с. 614–615, 647].

¹⁷ Уже в «Дополнениях и изменениях к “Рабле”» [2, т. 5, с. 81, 98–99, 110–111, 117–118], и, конечно, в 4-й главе «Проблем поэтики Достоевского».

¹⁸ Правда, в одном месте мы можем найти формулировку, якобы противоречащую этому тезису. Так, анализируя античную биографию и автобиографию, М. М. Бахтин пишет, что «в условиях греческой площади, где началось самосознание человека

В этом же ключе надо понимать и использование Бахтиным слов «реальность» и «реализм». Реален, по Бахтину, поступок. Понятие реализма, которое, конечно, играло важную роль в официальном литературоведении тех лет, Бахтин переделывал на свой лад — вместо правдоподобного описания общественных и экономических условий жизни в литературе (а также и вместо пластически правдоподобного воспроизведения формы человеческого тела в скульптуре и живописи), слово «реализм» у Бахтина означает описание «человека в человеке» и видения мира изнутри (и соответствующий ему гротескный образ тела). Термин «реализм», таким образом, прямо связан у М. М. Бахтина с созданием образа свободного человека. Поэтому реализм XVIII и XIX вв., по Бахтину, опирается на конкретно-переживаемое историческое время, где «временные ряды были реалистически освоены, спаяны с реальным пространством (“хронотоничны”), дифференцированы, детализированы, нюансированы, измерены живыми человеческими масштабами» [2, т. 3, с. 270]. Поэтому готический/гротескный *реализм* — центральная тема в книге о Рабле (даже вынесенная поначалу в ее заглавие: «Франсуа Рабле в истории реализма»). Наконец, и добавленную уже в 1973 г. сноску к статье «Формы времени и хронотопа в романе», где Бахтин спорит с И. Кантом о роли пространства и времени, понимая их не как трансцендентальные формы, «а как формы самой реальной действительности» [2, т. 3, с. 342], нужно, по-моему, понимать в том же свете. Бахтин здесь не становится на позицию философского реализма или материализма в обычном смысле, а намекает на свою раннюю философию поступка, где время и пространство — формы, в которых я воспринимаю мир и поступаю в нем.

Один центральный элемент философии М. М. Бахтина действительно как бы остается в тени в его книге о Рабле и других работах карнавалового цикла. Действительно, куда делся *другой* и связанные с ролью другого темы (например, венаходимость)?

Было бы неточно сказать, что роль другого совсем исчезла со страниц книги о Рабле. Вспомним роль меж языков и встречи

<...> Внутреннего человека — “человека для себя” (*я для себя*) и особого подхода к себе самому — еще не было» [2, т. 3, с. 388] (курсив мой. — С. С.). Но если поместить эту цитату в ее более полный контекст, противоречие исчезает. Речь здесь идет о формировании самосознания, а не сознания, т. е. Бахтин говорит не о феноменологии восприятия мира с моей точки зрения, а о самовосприятии, формировании образа себя самого. Такой образ, напомним, возможен только через посредство другого, и именно на этом посредстве и настаивает Бахтин: «Но эта сплошная овнешненность человека осуществлялась не в пустом пространстве <...> а в органическом человеческом коллективе, “на народе”» [2, т. 3, с. 389] (заметим, снова, неприятие Бахтиным возможности создания голо-теоретического образа «в пустом пространстве»). В более поздние эпохи, по Бахтину, создается не я-для-себя, как точка зрения, а представление о человеке как частном лице, в жизни которого есть сферы, недоступные другим.

культур (языковых сознаний) как предпосылок к выходу карнавальной стихии в большую литературу. Вспомним и многоязычие слова у Рабле [2, т. 4 (1), с. 488–496, т. 4 (2), с. 497–506]. Но в более философском ракурсе, роль другого остается как бы за кулисами, подразумевается без прямого высказывания. Причем, вместе с перемещением доминанты от эстетики видения извне к формам восприятия изнутри, меняется и место другого в типе литературно-художественных образов, интересующих Бахтина. Место другого (и Другого) в таком образе аналогично роли другого, как автора, с точки зрения героя, и, особенно, проявлениям роли другого в *этике* (а не в эстетике) раннего Бахтина. В частности, к позиции другого относятся абсолютные ценностные координаты карнавального пространства и времени.

Мы уже обращали внимание на абсолютные ценностные координаты пространственной топографии карнавального образа (верх и низ). Временные координаты — абсолютное прошлое, и особенно будущее — присутствуют в бахтинской философии с самого начала. Будущее («абсолютное смысловое будущее») у Бахтина — ценностная и религиозная категория. Оно противостоит настоящему как идеал наличности, благодать греху, и требует от меня перерождения, метаморфозы [2, т. 1, с. 189–195]. Благодать эта исходит от *другого* (и от *Другого*). Именно в этом ценностном смысле, а не в чисто хронологическом понимании (в котором будущее и не может быть непосредственно дано *мне*), будущее является организующим центром карнавального образа у Рабле, что М. М. Бахтин многократно подчеркивает в своей книге [2, т. 4 (1), с. 488–496, т. 4 (2), с. 497–506]. Иногда оно переодевается в «светлое будущее» официальной идеологии, но его главная роль везде — роль идеала, внешнего ценностного ориентира.

В докладе «Роман, как литературный жанр» («Эпос и роман») М. М. Бахтин противопоставляет ценностное значение абсолютного прошлого и абсолютного будущего в эпосе и романе. Это противопоставление в некотором смысле возвращается к темам ранней бахтинской эстетики, помещает ее в более широкий контекст теории литературы, которую он разрабатывал в 1930-е гг. Ведь образ героя в эпосе, по обобщенной и идеализированной схеме, представленной в этом докладе, во многом совпадает с идеалом заверщенного образа героя в АГ¹⁹. Бахтин не столько отвергает свою раннюю эстетику, сколько преодолевает ее. Добавим также, что в романе ценностная ориентация на будущее прямо связана с входом настоящего време-

¹⁹ Заметим следующую реплику из заключительного слова М. М. Бахтина на обзрении доклада в ИМЛИ: «Что же касается *завершенности* этой эпопеи, я скажу, что более совершенного произведения, чем эпопея Гомера, я не знаю» [2, т. 3, с. 647] (курсив мой. — С. С.). Выбор слова «завершенность» в этом контексте, по-моему, не случаен.

ни в литературу. Настоящее время — временной центр мира моего поступка.

В дальнейшем развитии темы временных координат образа свободного человека — или, проще, темы *большого времени*²⁰ — абсолютное смысловое будущее олицетворяется в фигуре надресата, на понимание которого ориентируется мое высказывание [2, т. 5, с. 337–338]. В большом времени смысл моего высказывания обретает бессмертие («праздник возрождения» [2, т. 6, с. 435]), но смысл этот будет жить не в моем самовосприятии, а в осмыслении других и с их позиции венаходимости. Такое же понимание бессмертия мы находим и в *АГ*, где бессмертна *душа*, а не дух, т. е. не я изнутри себя, а я в оформлении и осмыслении с (обязательно правой) позиции другого [2, т. 1, с. 176]. В книге о Рабле эту же функцию исполняет бессмертие в родовом теле. Наконец, в работах начала 1940-х гг. Бахтин разрабатывает, в контексте карнавала, тему веселого и бесстрашного целого²¹. Этому целому я могу доверять границы моей жизни, мои рождение и смерть. Тут снова позиция *другого*, пространственно-временной аналог абсолютного смыслового будущего.

Итак, книга о Рабле, и карнавальная тема вообще, представляет собой одну из стадий развития философии М. М. Бахтина. Основные принципы этой философии были сформулированы уже в самых ранних сохранившихся трудах Бахтина, хотя, конечно, некоторые ее элементы пересматривались и изменялись со временем. И если карнавальная тема и может показаться чем-то чужеродным на фоне персоналистического пафоса других бахтинских тем, то это лишь потому, что мы не учитываем еще один инвариант бахтинской философии — принципиальное несоответствие образа и изображаемого.

Образ — и пассивного героя в *АГ*, и активного героя в более поздних трудах — требует венаходимости и принципиально не может соответствовать изображаемому. Эстетика правдоподобного образа наивна, предполагает невозможную дубликацию содержания в двух разных сознаниях. Переход от завершенного образа обособленного человека в *АГ* к незавершимому образу «человека в человеке» у Достоевского и к карнавальному образу есть переход от более наивно-го изображения личности (единственный я в обособленном образе) к более реалистическому, в бахтинском смысле. Неособобленный карнавальная *образ* человека — не уход от принципов персонализма,

²⁰ Проблема большого времени — одна из общеизвестных тем позднейших рабочих записей М. М. Бахтина, но термин «большое время» используется им уже в 1930-е гг. [2, т. 3, с. 247].

²¹ Например, в заметках «К философским основам гуманитарных наук» [2, т. 5, с. 7–10].

а одна из предпосылок реалистического изображения именно *единственности*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Бахтин М.М.* Беседы с В. Д. Дувакиным. 2-е изд. М.: Согласие, 2002. 398 с.
- 2 *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари, Языки славянских культур, 1996–2012.
- Т. 1: *Философская эстетика 1920-х годов* / отв. ред. С. Г. Бочаров, Н. И. Николаев. М., 2003. 958 с.
- Т. 2: «Проблемы творчества Достоевского», 1929. Статьи о Л. Толстом, 1929. Записи курса лекций по истории русской литературы, 1922–1927 / отв. ред. С. Г. Бочаров, Л. С. Мелихова. М., 2000. 798 с.
- Т. 3: *Теория романа (1930–1961 гг.)* / отв. ред. С. Г. Бочаров, В. В. Кожин. М., 2012. 880 с.
- Т. 4 (1): «Франсуа Рабле в истории реализма» (1940 г.). Материалы к книге о Рабле (1930–1950-е гг.). Комментарии и приложения / отв. ред. И. Л. Попова. М., 2008. 1120 с.
- Т. 4 (2): *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса (1965 г.). Рабле и Гоголь (искусство слова и народная смеховая культура) (1940, 1970 гг.). Комментарии и приложение. Указатели* / отв. ред. И. Л. Попова. М., 2010. 752 с.
- Т. 5: *Работы 1940-х — начала 1960-х годов* / отв. ред. С. Г. Бочаров, Л. А. Гогтишвили. М., 1996. 731 с.
- Т. 6: «Проблемы поэтики Достоевского», 1963. Работы 1960-х — 1970-х гг. / отв. ред. С. Г. Бочаров, Л. А. Гогтишвили. М., 2002. 800 с.
- 3 *Кьеркегор С.* Заключительное ненаучное послесловие к «философским крохам». СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2005. 680 с.
- 4 *Николаев Н. И.* <Вступительная заметка к публикации>: Лекции и выступления М. М. Бахтина 1924–1925 гг. в записях Л. В. Пумпянского // М. М. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992. С. 221–232.
- 5 *Фридман И. Н.* Карнавал в одиночку // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 79–89.
- 6 *Фришман А.* О Серене Кьеркегоре и Михаиле Бахтине «с постоянной ссылкой на Сократа» // Мир Кьеркегора. М.: Ad Marginem, 1994. С. 106–122.
- 7 *Щитцова Т. В.* К истокам экзистенциальной онтологии: Паскаль, Кьеркегор, Бахтин. Минск: Профили, 1999. 164 с.
- 8 *Morson G. S., Emerson C.* Mikhail Bakhtin: Creation of a prosaics. Stanford, Stanford University Press, 1990. 530 p.
- 9 *Sandler S.* Bakhtin and the Kierkegaardian revolution (unpublished manuscript). *SSRN Electronic Journal*. January 1, 2012. 21 p. doi: 10.2139/ssrn.2558247
- 10 *Sandler S.* Kierkegaard and Bakhtin's Philosophical Motivation // XIV International Mikhail Bakhtin Conference, University of Bologna, Bertinoro, Italy, July 2011. URL: <http://ssrn.com/abstract=2045694> (дата обращения: 17.03.2016).

11 Wall A. A broken thinker. *South Atlantic Quarterly*, 1998, vol. 97, no 3/4, pp. 669–698.

REFERENCES

- 1 Bakhtin M. M. *Besedy s V. D. Duvakinym*. 2-e izd. [Bakhtin M. M. Conversations with V. D. Duvakin, 2nd edition]. Moscow, Soglasie Publ., 2002. 398 p. (In Russ.)
- 2 Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenij v 7 t.* [Bakhtin M. M. Collected writings in 7 vols.] Moscow, Russkie Slovari Publ. and Jazyki Slavjanskih Kul'tur Publ., 1996–2012. (In Russ.):
- Vol. 1: *Filosofskaja estetika 1920-h godov*, otv. red. S. G. Bocharov, N. I. Nikolaev. [Vol. 1: Philosophical aesthetics of the 1920s. Eds. S. G. Bocharov, N. I. Nikolaev]. Moscow, 2003. 958 p.
- Vol. 2: *“Problemy tvorčestva Dostoevskogo,” 1929. Stat'i o L. Tolstom, 1929. Zapisi kursa lekcij po istorii russoj literatury, 1922–1927*, Otv. red. S. G. Bocharov, L. S. Melihova. [Problems of Dostoevsky's work, 1929. Essays on L. Tolstoy, 1929. Notes from a lecture course on the history of Russian literature, 1922–1927, ed. S. G. Bocharov, L. S. Melihova]. Moscow, 2000. 798 p.
- Vol. 3: *Teorija romana (1930–1961 gg.)*, otv. red. S. G. Bocharov, V. V. Kozhinov. [Vol. 3: Theory of the novel (1930–1961). Eds. S. G. Bocharov, V. V. Kozhinov]. Moscow, 2012. 880 p.
- Vol. 4(1): *“Fransua Rable v istorii realizma” (1940 g.). Materialy k knige o Rable (1930–1950-e gg.). Kommentarii i prilozhenija*, otv. red. I. L. Popova. [François Rabelais in the history of realism (1940). Working notes for the book on Rabelais (1930s – 1950s). Commentary and appendices. Ed. I. L. Popova]. Moscow, 2008. 1120 p.
- Vol. 4 (2): *Tvorčestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i renessansa (1965 g.). Rable i Gogol' (iskusstvo slova i narodnaja smehovaja kul'tura) (1940, 1970 gg.). Kommentarii i prilozhenie. Ukazateli*, otv. red. I. L. Popova. [Vol. 4 (2): The work of François Rabelais and the popular culture of the Middle Ages and Renaissance (1965). Rabelais and Gogol: Verbal art and popular humor (1940, 1970). Commentary and appendix. Ed. I. L. Popova]. Moscow, 2010. 752 p.
- Vol. 5: *Raboty 1940-h – nachala 1960-h godov*, otv. red. S. G. Bocharov, L. A. Gogotishvili. [Vol. 5: Works from the 1940s through the early 1960s. Eds. S. G. Bocharov, L. A. Gogotishvili]. Moscow, 1996. 731 p.
- Vol. 6: *“Problemy pojetiki Dostoevskogo,” 1963. Raboty 1960-h – 1970-h gg.*, otv. red. S. G. Bocharov, L. A. Gogotishvili. [Problems of Dostoevsky's poetics, 1963. Works from the 1960s – 1970s. Eds. S. G. Bocharov, L. A. Gogotishvili]. Moscow, 2002. 800 p.
- 3 Kierkegaard S. *Zaključitel'noe nenauchnoe posleslovie k “filosofskim kroham”* [Concluding unscientific postscript to *Philosophical fragments*]. St. Petersburg, Russia, Saint Petersburg University Publ., 2005. 680 p. (In Russ.)
- 4 Nikolaev N. I. [Vstupitel'naja zametka k publikacii]: Lekcii i vystuplenija M. M. Bahtina 1924–1925 gg. v zapisjah L. V. Pumpjanskogo [Introductory notes, M. M. Bakhtin's lectures

and comments of 1924–1925: From the notebooks of L. V. Pumpiansky]. *M. M. Bahtin kak filosof* [M. M. Bakhtin as a philosopher]. Moscow, Nauka Publ., 1992, pp. 221–232. (In Russ.)

5 Fridman I. N. Karnaval v odinochku [A carnival for one]. *Voprosy filosofii* [Philosophical issues]. 1994, no 12, pp. 79–89. (In Russ.)

6 Fryszman A. O Serene K'erkegore i Mihaile Bahtine "s postojannoju ssylkoj na Sokrata" [On Søren Kierkegaard and Mikhail Bakhtin "with constant reference to Socrates"]. *Mir K'erkegora* [Kierkegaard's world]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1994, pp. 106–122. (In Russ.)

7 Shhitcova T. V. *K istokam ekzistencial'noj ontologii: Paskal', Kirkegor, Bahtin* [To the origins of existential ontology: Pascal, Kierkegaard, Bakhtin]. Minsk, Propilei Publ., 1999. 164 p. (In Russ.)

8 Morson G. S., Emerson C. *Mikhail Bakhtin: Creation of a prosaics*. Stanford, Stanford University Press, 1990. 530 p.

9 Sandler S. Bakhtin and the Kierkegaardian revolution (unpublished manuscript), *SSRN Electronic Journal*. January 1, 2012. 21 p. doi: 10.2139/ssrn.2558247

10 Sandler S. Kierkegaard and Bakhtin's Philosophical Motivation. *XIV International Mikhail Bakhtin Conference*, University of Bologna, Bertinoro, Italy, July 2011. Available at: <http://ssrn.com/abstract=2045694> (Accessed 17 March 2016).

11 Wall A. A broken thinker. *South Atlantic Quarterly*, 1998, vol. 97, no 3/4, pp. 669–698.